

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.

© 2015 г. Марина Викторовна Немытина¹

Аннотация: в статье рассматривается судебная реформа, проведенная в России в 1864 г. императором Александром II, ее исторический опыт и влияние на российское общество и государство, обосновывается конституционный характер реформы и противоречие основных принципов и институтов Судебных уставов 1864 г. самодержавию как политической форме.

Annotation: the Court reform which was implemented by Tsar Alexander II in Russia in 1864, its historical experience and influence on Russian society and state was considered in this article. The author argues constitutional character of The Judicial Code of 1864 and contradiction between its basic principles and institutes and tsar regime as a political form.

Ключевые слова: российское самодержавие, судебная реформа 1864 г. в России, Судебные уставы 1864 г., принципы и институты правосудия, российское общество, российская государственность, российский конституционализм, политическая форма.

Key words: Russian tsar regime, Court reform of 1864 in Russia, The Judicial Code of 1864, judicial principles and institutes, Russian society, Russian state, Russian constitutionalism, political form.

Полтора столетия, прошедшие с момента принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 г.², заставляют вновь обратиться к истории судебной реформы императора Александра II, проанализировать ее обретения и просчеты, оценить ее последствия и извлечь определенные уроки. Опыт проведенной в России во второй половине XIX в. судебной реформы отчетливо иллюстрирует как с помощью преобразований в области правосудия можно изменить состояние общества в целом. Правовые принципы и институты, внедрившиеся в других странах посредством принятия конституций, в российскую действительность вошли с введением Судебных уставов 1864 г., законода-

тельно закрепивших феномен прогрессивного суда при сохранении устаревшей политической формы – самодержавия³.

Опыт судебной реформы 1864 г. требует осторожного, взвешенного и бережного обращения. Оценить ситуацию в России второй половины XIX в., связанную с введением новых судов, в рамках одной статьи достаточно сложно, поскольку речь идет о слишком масштабных преобразованиях. Тем не менее представляется возможным заострить внимание на ключевых моментах, с одной стороны, определивших содержание судебной реформы, с другой – вступивших в противоречие с основами российского самодержавия как политической формы.

Направленная на создание в России принципов и институтов правосудия (суда правового, следовательно, справедливого), судебная реформа 1864 г. вместе с тем затронула все сферы жизни страны, задав вектор развития российского общества в целом и обусловив его переход на новый уровень правовой культуры.

В Судебных уставах 20 ноября 1864 г. впервые был законодательно регламентирован принцип формального равенства – равенства всех рос-

¹ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор (E-mail: kafedra-teoria@yandex.ru).

² Под обобщенным названием «Судебные уставы 1864 г.» скрыты четыре законодательных акта: Учреждение судебных установлений, регламентировавшее систему судебных органов Российской империи, их компетенцию, подсудность рассматриваемых ими гражданских и уголовных дел; Устав гражданского судопроизводства; Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, – руководящие начала деятельности мировых судов. Судебные уставы были введены в действие Указом императора Александра II Сенату 20 ноября 1864 г., в котором выражалось желание «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние...» (цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. Уст. гражд. суд. СПб., 1867. С. XXXVIII).

³ Самодержавие можно рассматривать как характерную для России политическую форму с сильной властью царя, сословным строем и привилегиями дворянства, существовавшую до февраля 1917 г. Одновременно термин «самодержавие» означает императора и его окружение как государственных деятелей, занимавших высокие посты, так и лиц, которые, не находясь официально у власти, могли реально влиять на политику.

сийских подданных перед законом и судом. Тем самым был нанесен серьезный удар основам сословного строя с его привилегиями и ограничениями, определявшим содержание отношений в российском обществе и характер политической власти.

Посредством введенных судебной реформой несменяемости судей и независимости суда от администрации в жизнь российского общества внедрялось разделение властей, ограничивая самодержавие как политическую форму, а также всевластие бюрократии, провозглашая состязательность, гласность, устность судопроизводства, оценку доказательств по внутреннему убеждению судьи, право подсудимого на защиту и право быть судимым себе подобными – присяжными заседателями, Судебные уставы тем самым переводили общественные отношения в стране на новый уровень, обеспечивая защиту прав собственности по гражданским делам и прав личности – по уголовным.

Судебная реформа 1864 г. способствовала развитию юридического образования и дала мощный толчок формированию в России самостоятельной и независимой профессиональной корпорации юристов. Следует признать, что систематическое юридическое образование сложилось в нашей стране именно в этот период, что было обусловлено потребностями в правовом обеспечении всех сфер жизни общества и позволяло перевести общественные отношения на новый уровень.

Следует отметить, что судебная реформа Александра II как явление общественной и государственной жизни России, заложенные в ее основу институты судопроизводства и судопроизводства всегда привлекали внимание исследователей⁴. По общему признанию дореволюционных авторов, независимо от их принадлежности к ли-

⁴ Историография судебной реформы 1864 г. насчитывает несколько сотен работ, посвященных реформе в целом и отдельным ее институтам. Вместе с тем при освоении этой обширной научной литературы следует обратить внимание на ряд обстоятельств: 1) прочтение работ дореволюционных авторов невозможно без учета их позиций – либеральной или охранительной. Именно в этом контексте должен восприниматься излагаемый или содержательный материал; 2) современное прочтение работ советских исследователей данной проблемы вызывает необходимость абстрагироваться от идеологических установок с общих позиций места и роли суда в эксплуататорском обществе и государстве; 3) наконец, работы авторов постсоветского периода не свободны от идеализации Судебных уставов. В них подчас не учитывается общий социально-экономический и политический фон самодержавной России, обусловивший деформацию Судебных уставов 1864 г. в ходе их применения, принятые в дополнение к ним изменения и поправки.

беральному или охранительному направлению общественно-политической мысли, судебная реформа была наиболее последовательной в ряду преобразований, проведенных правительством Александра II⁵. Эту позицию, касавшуюся сущности судебной реформы и степени ее радикализма, разделяли и исследователи советского периода, вынужденные в то же время в силу господствовавших методологических установок акцентировать внимание на ограниченном характере суда в эксплуататорском обществе, противоречии существовавших в дореволюционной России институтов судопроизводства и судопроизводства интересам широких народных масс.

Так, подробное прочтение истории судебной реформы 1864 г., предпринятое в советский период Б.В. Виленским⁶, в плане объяснения ее причин было несвободно от сложившихся стереотипов. Судебные преобразования самодержавия рассматривались им в связи с борьбой революционно-демократического лагеря и народных масс против господствующего класса, сложившейся в России на рубеже 50 – 60-х годов революционной ситуацией. При этом нивелировалась роль правительственного лагеря в реформировании судов. Автор был вынужден акцентировать внимание не столько на достоинствах судебной реформы, сколько на ее ограниченном и незавершенном характере, так как существовала общая методологическая установка относительно роли суда в эксплуататорском обществе и государстве.

Поиску причин, обусловивших радикальный характер судебных преобразований второй половины XIX в., были посвящены исследования М.Г. Коротких⁷. На рубеже советского и постсоветского периодов автор в своих оценках ситуации сумел освободиться от методологических штампов и стереотипов. Причины реформ, в том числе судебной, он видит “в кризисе “верхов”, осознавших неизбежность перемен, а не в революционном движении демократического лагеря”⁸.

⁵ См., например: *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб., 1905; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В 2-х т. Пг., 1914; *Титов А.А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910; *Фукс В.* Суд и полиция. В 2-х ч. М., 1889.

⁶ См.: *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Саратов, 1963; *Его же.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

⁷ См.: *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989; *Его же.* Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Л., 1990.

⁸ *Коротких М.Г.* Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. С. 11.

В работах М.Г. Коротких прослеживаются взаимосвязь и взаимная обусловленность реформ – крестьянской, земской, городской, полицейской, военной, отражена острая борьба за содержание Судебных уставов в окружении императора Александра II, сторонников “русских исторических” и “общечеловеческих” начал. Автор отмечает: “Передовые принципы и институты, легшие в основу судебной реформы, определились не сразу, а были введены в результате победы либерального направления в правительственных сферах, где шла острая борьба за сущность и характер изменений судопроизводства и судоустройства”⁹. При том, что “материальное уголовное и гражданское право оставались прежними”, существовала острая необходимость в принятии нового “уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства для обеспечения неприкосновенности личности и имущества”¹⁰.

В постсоветский период произошел всплеск интереса к судебным преобразованиям второй половины XIX в. Судебная реформа 1864 г. привлекла пристальное внимание не только историков права, но и представителей отраслевой юридической науки, особенно специалистов в области гражданского и уголовного процесса. Было очевидным стремление авторов не просто изучить основные институты судоустройства и судопроизводства, но также использовать опыт имевших место в отечественном прошлом судебных преобразований для потребностей судебно-правовой реформы 90-х годов XX в.¹¹ Действительно, шел процесс “возвращения в Россию” после перерыва в 70 с лишним лет ключевых принципов и институтов Судебных уставов 1864 г. – независимости и несменяемости судей, мировой юстиции, суда присяжных, апелляционного пересмотра судебных решений, корпоративной организации суда и адвокатуры и др.

Несмотря на большое количество исследований по данной проблематике, по сей день в историко-правовой науке не получили четкого и развернутого ответа главные вопросы, связанные с содержанием судебной реформы. Почему российское самодержавие пошло на проведение столь прогрессивной и радикальной судебной рефор-

мы, соответствовавшей по своему содержанию лучшим зарубежным образцам? Каковы характер и степень влияния последовательно-либеральной судебной реформы 1864 г. на устои жизни и правовую культуру российского общества в целом? Как нормативное правовое содержание судебных уставов соотносится с практикой их применения? Какие меры можно было предпринять для обеспечения торжества провозглашенных Судебными уставами 1864 г. юридических принципов и институтов и одновременно для поддержания в обществе стабильности и порядка? Каковы отдаленные последствия судебной реформы для российской государственности?

По свидетельству государственного секретаря А.А. Половцова, Александр III, оценивая результаты предшествующего царствования, полагал, что Судебные уставы 1864 г. “были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был первый шаг”¹².

Следует обратить внимание на конституционный характер положенных в основу судебной реформы принципов и институтов, обусловленное ею развитие конституционализма в России. Вполне реалистичным представляется замысел императора Александра II – постепенное внедрение конституционных начал в отечественное право, общество и государство.

Дореволюционная историография обращала внимание на конституционный характер преобразований, проведенных в стране во второй половине XIX в., в частности судебной реформы. Так, по мнению В. Фукса, придерживавшегося консервативных взглядов, “в новом суде подозревали не только гарантию правильности решения гражданских и уголовных дел, но и могущественное орудие против произвола полиции, против посягательства администрации на личную свободу граждан, своего рода политический *habeas corpus* – исходную точку в недалеком будущем целого арсенала конституционных порядков”¹³.

В советской историографии идеи конституционализма не связывались с Судебными уставами 1864 г., поскольку общая установка состояла в обосновании ограниченного характера реформы. Да и сами подходы к конституционализму были иными, нежели сегодня. Между тем в статье, вышедшей в 1987 г. – на закате советского периода, Е.А. Скрипилев обращает внимание на связь,

⁹ Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ В ряду исследований, посвященных отдельным институтам судебной реформы 1864 г., следует выделить работы А.А. Демичева по суду присяжных (см.: Институт русского суда присяжных (1864–1917 гг.). Н.Новгород, 2002) и работы С.В. Лонской по мировой юстиции (см.: Мировая юстиция в России. Калининград, 2000).

¹² Половцов А.А. Дневник государственного секретаря / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2-х т. Т. 1. М., 1966. С. 228.

¹³ Фукс В. Суд и полиция. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1889. С. 2.

существовавшую между содержанием Судебных уставов Александра II и конституционализмом. “Отделение суда от администрации тоже есть признак конституционализма, один из его атрибутов”¹⁴, – отмечал он, давая оценку судебной реформе.

Идеи постепенного “перевода” России на “рельсы конституционализма”, начиная с реформ второй половины XIX в., кажутся вполне обоснованными, как, впрочем, и представления об ограниченном реформаторском потенциале самодержавия, которое, стоит заметить, способно было модернизировать устои общественной и государственной жизни России до определенного предела, пока не встанет вопрос об упразднении самодержавного строя, как такового, и ликвидации монархии в России.

Возникает вопрос: не утратило ли окружение Александра II “инстинкт самосохранения”, проводя столь радикальную судебную реформу? Можно предположить, что в период подготовки и принятия Судебных уставов император и его окружение, занятые мыслями о том, как сохранить в неизменном виде существующую форму правления и высшие органы государства, просто недооценили роль суда в обществе и государстве, пойдя на столь радикальную его модернизацию. Весь предшествующий дореформенный опыт построения судостройства и отправления судопроизводства в России не давал никаких оснований сомневаться в том, что суды – это всего лишь часть бюрократического аппарата, которая ничем не отличается от других его звеньев. Поэтому ни Александр II, ни “отцы судебной реформы” поначалу не усматривали в новых судах угрозы существовавшему в России форме правления и режиму.

Судебная реформа Александра II не исчерпывается текстом Судебных уставов 20 ноября 1864 г., содержащимися в них нормами. Нуждается в оценке весь механизм реализации реформы, ее ближайшие и отдаленные последствия для России. В этой связи встает проблема соответствия основам российской государственности реализуемых в ходе реформы юридических начал равенства российских подданных перед законом и судом, независимости суда от администрации, гласности и состязательности судопроизводства.

¹⁴ *Скрипильев Е.А.* “Императорская партия” в борьбе против конституции и конституционализма // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987. С. 85.

Следует принять во внимание, что открытие новых судов совпало по времени с подъемом в России революционного движения народников, у которых мирная тактика “хождения в народ” затем перешла в террор. С начала 70-х годов в новых судах шли масштабные, получившие большой общественный резонанс политические процессы¹⁵. На скамье подсудимых оказывались противники режима – революционно настроенная молодежь. Подсудимые и их защитники из плеяды выдающихся российских адвокатов активно использовали конституционные по своей сути принципы и институты судостройства и судопроизводства. Позиции адвокатов в политических процессах, их тактика и стратегия защиты строились не столько на оправдывающих подсудимых доказательствах, сколько на обличении существующего в стране режима¹⁶. И власть, включая царя, не могла этому воспрепятствовать, как и не могла сменить неугодного ей нелояльно-го режиму судью.

В ходе реализации судебной реформы сложилась парадоксальная ситуация, когда суд, опережая в своем развитии другие государственные институты самодержавия, вступил с ними в противоречие. Провозглашение Судебными уставами 20 ноября 1864 г. независимости суда от администрации и несменяемости судей, подчинение их только закону фактически означало, что император Александр II по собственной воле ограничил свои прерогативы и добровольно отдал часть своих полномочий судам и судьям. Одновременно своих полномочий в сфере суда лишалась вся администрация сверху вниз по бюрократической лестнице. Поэтому в контексте судебных преобразований второй половины XIX в. следует вести речь об ограничении абсолютизма в России.

Уже первые шаги по применению Судебных уставов 1864 г. выявили, как заметил позднее в передовой статье “Московских ведомостей” известный публицист М.Н. Катков, “несоответствие

¹⁵ Процесс нечаевцев в Санкт-Петербургской судебной палате в 1871 г.; дело “О пропаганде среди народа”, известное как “процесс 193-х”, по количеству подсудимых, представших перед Особым присутствием Правительствующего Сената, половина из которых была оправдана; дело В.Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Трепова и оправданной Санкт-Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей, и др.

¹⁶ Более подробно о политических процессах см.: *Краковский К.П.* Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2013; *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976.

между отдельным узаконением и общими основаниями государственного права России”¹⁷. Он называл новый суд “государством в государстве”¹⁸, поскольку в силу провозглашенных Судебными уставами принципов независимости суда от администрации и несменяемости судей “власть монарха лишалась части своих верховных прав”¹⁹.

К.П. Победоносцев, активно участвовавший в подготовке Судебных уставов Александра II, при этом впоследствии ставший идеологом политики контрреформ, проводимой правительством Александра III, позднее говорил о новом суде, что “такой суд не может быть опорой государства”²⁰.

Н.В. Муравьев, возглавивший в 1894 г. министерство юстиции и создавший в том же году Высочайше учрежденную комиссию для пересмотра законоположений по судебной части, осуществившую систематический пересмотр Судебных уставов и подготовившую в 1899 г. проекты их новой редакции, считал принципы и институты судебной реформы Александра II не соответствовавшими “особенностям государственного и общественного быта”²¹ России – “одежда не по мерке”²².

Допускавшееся Судебными уставами 1864 г. участие в отправлении судопроизводства представителей различных слоев общества – присяжных заседателей давало основание представителям охранительного направления рассматривать данный институт не только как юридическое, но и как политическое учреждение. В письмах К.П. Победоносцева находим высказывание, что для России “конституция была бы менее преждевременна..., нежели суд присяжных”²³.

Таким образом, судебная реформа 1864 г., единодушно признаваемая как ее современниками, государственными деятелями и юристами, независимо от их приверженности либеральным или консервативным взглядам, так и позднее исследователями самой радикальной реформой из всех, когда-либо имевших место в России, соответ-

ствовавшей лучшим западным образцам, явилась “иностраным телом” в организме самодержавия.

В случае дальнейшего поступательного развития России по пути реформ могли быть модернизированы другие государственно-правовые институты самодержавия, и суд со временем утратил бы свою опережающую роль в государственном механизме. Однако эволюции других государственных институтов самодержавия по пути превращения его в конституционную монархию во второй половине XIX в. не произошло.

Процесс реформирования, так успешно начатый Александром II и его окружением, постепенно перестал быть им подконтрольным. Не случайно одни и те же люди, выступая в преддверии реформы ее ярыми сторонниками, затем превратились в ее не менее яростных противников (примеры К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова). Случилось так, что правительство вынуждено было почти вслед за изданием Судебных уставов 1864 г. вступить на путь их исправления – провести судебную контрреформу.

Если исходить из содержания провозглашенных Судебными уставами юридических принципов и институтов, то реформа 1864 г. заслуживает самой высокой оценки. Однако если оценивать эту реформу, опираясь на представления о целостности государственного механизма, о взаимной связи и взаимной обусловленности всех его звеньев, то данную реформу (особенно ее последствия для России) вряд ли можно отнести в заслугу реформаторам. По крайней мере, введя российское общество в процесс реформирования, они не должны были останавливаться на полпути. Как показывает исторический опыт, начиная реформы, их нужно продолжать, продвигать дальше. Реформаторам необходимо оставаться последовательными в осуществлении своего курса. Если бы правительство Александра II, не ограничившись судебной реформой, реформами местного самоуправления, продолжило курс на модернизацию государственно-правовых институтов России, на дальнейшую интеграцию конституционных начал в российское право, общество, государство... Однако в истории не бывает сослагательного наклонения.

Тем более правительству не следовало сразу же отказываться от главных установок и основополагающих принципов Судебных уставов 1864 г. и переходить к судебной контрреформе, под которой следует понимать систему мер, направленных на ограничение основных принципов и институтов реформы в серии законодательных актов периода 70–80-х годов XIX в.

¹⁷ См.: Московские ведомости. 1884. 23 янв. Передовая статья.

¹⁸ См.: там же. 1885. 4 сент. Передовая статья.

¹⁹ См.: там же. 1884. 23 янв. Передовая статья.

²⁰ Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. П/т. 1. М. – Пг., 1923. С. 69.

²¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к учреждению судебных установлений. Т. 1. СПб., 1900. С. 66.

²² РГИА. Ф. 995. Оп. 3. Д. 15. Л. 1.

²³ Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. П/т. 1. С. 227.

Опыт реализации судебной реформы 1864 г. в России показывает, что если в обществе и государстве не создано условий для существования самостоятельного и независимого суда, то исполнительная власть всегда возьмет верх над властью судебной. Наряду с провозглашенными Судебными уставами 1864 г. конституционными по своей сути началами судостроительства и судопроизводства, в России с начала 70-х годов стал действовать внесудебный порядок преследования (ссылка, высылка и другие меры административного преследования по делам о преступлениях, носивших “политический оттенок”). “В то время как по смыслу судебных уставов и по основному требованию справедливости, – писал С.А. Муромцев, – никто не может быть подвергнут наказанию без суда, сотни, а может быть, и тысячи лиц подвергаются... лишению привычного для них общества и притом по одному ничем не мотивированному распоряжению администрации”²⁴. В конце 70-х годов достаточно широко стало применяться судебное преследование в чрезвычайном порядке (военные суды, которым могли быть подсудны лица гражданского ведомства).

В 1881 г. незадолго до гибели Александра II в обществе распространились слухи о том, что будет обнародован манифест, по которому России будет дарована конституция. Поводом к распространению такого рода слухов послужили подготовка и обсуждение в “верхах” проектов государственных преобразований, в том числе и проекта М.Т. Лорис-Меликова. Со вступлением на престол Александра III либералы ждали поворота политики правительства влево. Однако правительство совершило крутой поворот вправо.

В период правления Александра III пересмотр Судебных уставов шел уже по заранее обозначенному плану. В сравнении с новеллами 70-х принятое в дополнение к Судебным уставам в период 80-х годов законодательство носило уже систематический характер, ограничивая один за другим принципы и институты судостроительства и судопроизводства. Всего же, по данным министерства юстиции, к 1894 г., т.е. за 30 лет существования Судебных уставов, в них было внесено порядка 700 дополнений, изменений и поправок²⁵.

Мероприятия, проводимые правительством в сфере суда в пореформенный период, отражают главное противоречие во внутренней политике России – противоречие между необходимостью

идти по пути реформ и стремлением самодержавия к самосохранению. На рубеже XIX–XX вв. в политике правительства наблюдались две противоречивые тенденции. Корни одной отходят к реформам второй половины XIX в. и проявляются в попытках продолжить реформаторский курс Александра II. Вторая была направлена на сохранение самодержавия как политической формы, на поддержание во что бы то ни стало существующего режима. Вторая тенденция все более преобладала над первой, отнимая у правительства все силы. “Главной политической целью правительственного лагеря, – пишет К.Ф. Шацилло, исследуя этот период, – было сохранение в стране неограниченного самодержавия и всего того общественного строя, который сложился в России в ходе многовековой истории, но уже перестал соответствовать объективным потребностям развития страны”²⁶. Парадокс состоит в том, что российское самодержавие (абсолютизм) уже было ограничено принятием Судебных уставов в 1864 г.

В дальнейшем самодержавие оказалось уже не в состоянии проводить систематические преобразования. Так, предпринятая на рубеже XIX–XX вв. попытка кодификации права (комплексный подход к решению проблем гражданско-правового, уголовно-правового регулирования во взаимосвязи с судостроительством и судопроизводством) попросту провалилась. Разработанные Комиссией под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева проекты новых Судебных уставов так и не стали действующими законодательными актами. Несмотря на то что состояние дел в сфере гражданско-правового регулирования никоим образом не отвечало потребностям развития экономики страны, отношений собственности и обязательственных отношений, Россия так и не получила Гражданского уложения, хотя проект его был подготовлен. Уголовное уложение 1903 г. применялось лишь в незначительном объеме.

Под давлением общественности происходит определенный поворот в политике самодержавия в сторону либерализации. Последовала конституционная попытка конца 1904 – начала 1905 г. П.Д. Святополк-Мирский, приняв министерство внутренних дел после убийства В.К. Плеве, составил записку, которая “доказывала необходимость общего изменения внутренней политики правительства, необходимость мер к укреплению законности и необходимость отмены исключи-

²⁴ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. V. М., 1910. С. 25.

²⁵ См.: Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. В 2-х т. Т. 2. Речи и сообщения. СПб., 1900. С. 587.

²⁶ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 23.

тельных законов, установления свободы печати, свободы вероисповедания”²⁷. Записка была представлена Николаю II в 20-х числах ноября 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский из последних сил доказывал “наверху”, что если не будут осуществлены либеральные реформы, то последующие перемены будут уже в виде революции, заверяя при этом, что “желание громадного большинства благонамеренных людей” заключается в том, чтобы осуществить реформы, “не трогая самодержавия”. По свидетельству А.А. Лопухина, являвшегося с 1902 по 1905 г. директором департамента полиции, “после предпринятого Мирским шагом существовавшее в общественных кругах признание негодности данного политического строя проникло в бюрократическую среду и быстро претворилось там в сознание близости его конца, чем последний и был ускорен”²⁸.

Декларации во вновь созданной Государственной думе идей законности и правового государства звучали диссонансом в условиях применения в стране чрезвычайных мер судебного и административного преследования. В случае прекращения или перерыва деятельности Государственной думы или Государственного совета законопроект могли быть обсуждены в Совете министров с последующим высочайшим утверждением. Этот путь и был использован при введении в действие Закона о военно-полевых судах от 19 августа 1906 г.²⁹

Пристальный взгляд на Судебные уставы 1864 г. предполагает необходимость существенного расширения границ познания этого уникального в

истории России явления. Понимание заложенных в основу реформы принципов и институтов должно сопровождаться анализом практики их применения. Прочтению Судебных уставов 1864 г. должно сопутствовать сравнение с принятыми в разное время в дополнение к ним законодательными актами. Трактовки формально-юридических конструкций судебной реформы требуют изучения, с одной стороны, проблемы отражения ею ситуации в обществе, с другой – последующего восприятия ее реализации обществом. Выявление установок российских государственных деятелей, разработавших Судебные уставы, должно сочетаться с выяснением мотиваций, заставивших правительство почти вслед за принятием Судебных уставов вступить на путь их исправления. Знания о реализации судебной реформы не могут ограничиваться ареалом центральной части и должны охватывать все пространство Российской империи, включая окраины, куда судебная реформа “докатилась” с большим опозданием и в весьма ограниченном виде.

Таким образом, судебную реформу второй половины XIX в. следует рассматривать в общем контексте политики российского самодержавия, а введенные ею новые суды – в комплексе с существовавшими в тот период в России общественными и государственными институтами. Этот ракурс рассмотрения судебной реформы позволяет сделать выводы о конституционном характере предпринятых правительством Александра II судебных преобразований и в силу этого – об их несоответствии основам российского самодержавия как политической формы, чем объясняется последующее стремление правительства отказаться от провозглашенных Судебными уставами принципов и институтов в ходе судебной контрреформы, а также об ограниченности реформаторского потенциала самодержавия.

²⁷ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (По поводу “Воспоминаний” графа С.Ю. Витте). М. – Пг., 1923. С. 44.

²⁸ См.: там же. С. 45.

²⁹ См.: Полное собрание законодательства. Собр. 3-е. Т. 26. 1906. Отд. 1. № 28252.